

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519

EDN: LSYOBP

Научная статья / Research article

Специфика афганской идентичности в условиях глобализации

Г.Г. Мачитидзе

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва,
Российская Федерация
 mggkabal@gmail.com

Аннотация. Анализируется проблема идентификационного выбора мусульманской страны в условиях глобализации на примере Афганистана. Попытки Запада на протяжении почти 20 лет приобщить афганское общество к либерально-демократическим ценностям окончились провалом. Автор обращает внимание на то, что в афганском обществе сохранялась настороженность по отношению к элементам глобализации из-за боязни утратить свою культурно-религиозную самобытность. Установив теократический режим, талибы (запрещены в РФ) приступили к перестройке принципов афганского национализма в соответствии с исламским национализмом. Идея ислама как государственной идентичности подразумевает, что ислам как всеобъемлющая идентичность способен нейтрализовать этнические различия в обществе. Осуществляя шаги для обновления идеологической надстройки афганского государства, талибы (запрещены в РФ) выдвигают новую концепцию под названием «талибанизм». Анализируются особенности и причины отхода руководства Исламского Эмирата Афганистан от традиционного деобандизма и переход к более приемлемой комбинации религиозно-пуританских убеждений, адаптированных к строгим предписаниям исламского права. Сделан вывод, что «талибанизм» отвергает все формы республиканского правления и проводит четкое различие между исламскими законами и законами, созданными человеком, считая последние безнравственными. Показан главный тренд внутренней политики Кабула, направленный на реисламизацию недостаточно исламизированного афганского общества на добровольной или принудительной основе. Концепция предусматривает навязывание афганскому обществу единой исламской идентичности, которая сопровождается нарушением прав женщин в сфере трудоустройства и образования. Обоснованием политики талибов (запрещены в РФ) служит убеждение в том, что афганское общество деградирует изнутри и подвержено процессу внешнего разрушения, который следует остановить. Отмечается влияние на изменение взглядов лидеров движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) их длительного общения с представителями «Аль-Каиды» (признана террористической и запрещена в РФ) и других джихадистских организаций. По результатам исследования установлено, что идеология талибов (запрещены в РФ) приобрела некоторое сходство с салафизмом и что власти стараются изолировать афганский народ от процессов глобализации, будучи готовыми защищать исламские ценности от западной цивилизации любыми способами.

Ключевые слова: Афганистан, модернизация, вестернизация, салафизм, сохранение культурно-религиозной идентичности

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мачитидзе Г. Г. Специфика афганской идентичности в условиях глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 508–519. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519>

© Мачитидзе Г.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Specificity of Afghan Identity in the Context of Globalization

Georgy G. Machitidze

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
 mggkabal@gmail.com

Abstract. The article addresses the issue of identifying a Muslim country in the context of globalization, with Afghanistan serving as a case study. For almost 20 years, Western attempts to introduce liberal democratic values into Afghan society have failed. The author highlights the fact that Afghan society has remained wary of elements of globalization for fear of losing its cultural and religious identity. Having established a theocratic regime, the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) set about restructuring the principles of Afghan nationalism in line with Islamic nationalism. The idea of Islam as a state identity implies that Islam as a comprehensive identity is capable of neutralizing ethnic differences in society. In taking steps to renew the ideological superstructure of the Afghan state, the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) put forward a new concept termed ‘Talibanism.’ The features and reasons for the shift of the Islamic Emirate of Afghanistan’s leadership away from traditional Deobandism and towards a more acceptable combination of religious-Puritan beliefs adapted to the strict precepts of Islamic law are analyzed. It is concluded that ‘Talibanism’ rejects all forms of republican government and makes a clear distinction between Islamic law and man-made laws, considering the latter to be immoral. The main trend of Kabul’s domestic policy, aimed at re-Islamisation of the insufficiently Islamized Afghan society on a voluntary or coercive basis, is shown. The concept envisages the imposition of a single Islamic identity on Afghan society, accompanied by the violation of women’s rights in employment and education. The rationale behind the Taliban’s (recognized as terrorist and banned in Russia) policy is the belief that Afghan society is degenerating from within and is subject to a process of external destruction that must be stopped. It is observed that the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) leaders have been influenced in changing their views by their prolonged contacts with representatives of Al-Qaeda (recognized as terrorist and banned in Russia) and other jihadist organizations. The study found that the Taliban (recognized as terrorist and banned in Russia) ideology has acquired some similarities with Salafism, and that the authorities are trying to isolate the Afghan people from the processes of globalization, being ready to protect Islamic values from Western civilization by any means necessary.

Key words: Afghanistan, modernization, westernization, Salafism, preservation of cultural and religious identity

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Machitidze, G. G. (2024). The specificity of Afghan identity in the context of globalization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 508–519. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519>

Введение

Важным фактором начала XXI в. является развитие глобализма, который навязывает всем народам унифицированную наднациональную идентичность, ведущую к разрушению цивилизационной идентичности. В мусульманских странах, где религия (ислам) играет значительную роль в обществе, возникает стремление защитить свои культурно-религиозные традиции. В этой связи весьма актуальной является тема сохранения афганской идентичности в условиях глобализации.

Привлечены академические и аналитические исследования отечественных и зарубежных ученых для понимания феномена исламской идентичности (Наумкин, 2014; 2020;

Барановский, Наумкин, 2018; Коргун, 2004; Сикоев, 2002; Князев, 2021; Новикова, 2023; Сажин, 2006; Кутырёв, 2009; Флиер, 2010; Малыгина, 2021; Mendel, 2010; Goldstein, 2010; Тај, 2022).

Упомянутые исследования посвящены борьбе концепций идентичности в мусульманском мире, идентификационному выбору, появлению международного терроризма в результате столкновения западных культур с восточными, отторжению модернизации исламским обществом, идентификации на этнической основе в Афганистане и неприятную значительной частью афганского общества привнесенных извне преобразований и новшеств, сочетанию исламского права и местных обычаев, а также укреплению

талибами¹ идеологической надстройки афганского государства.

Объектом исследования является афганская идентичность в условиях глобализации, предмет исследования — конкретные действия афганских властей в плане ее сохранения, а также применяемые ими в этих целях инструменты. Определена причинно-следственная связь между необходимостью сохранения афганской самобытности и ее обновлением на основе общеафганской исламизированной идентичности. В процессе работы над статьей использованы такие методы научного исследования, как историко-хронологический, сравнительный анализ с постепенным изучением различных компонентов, синтез, а также индукция в сочетании с дедукцией. Делается вывод о том, что ислам в его талибской интерпретации используется как для укрепления внутренней стабильности в стране, так и для мобилизации общества против внешних угроз.

Применительно к современным тенденциям обновления исламской идентичности афганского общества, связанной с отказом от некоторых элементов племенной культуры, проблема исследована недостаточно и требует дополнительного научного осмысления. Поэтому автор ставит перед собой задачу провести анализ процесса и причин обновления талибами (запрещены в РФ) афганской исламизированной идентичности в условиях глобализации, имеющих как внешний, так и внутренний аспекты.

Проблема идентификационного выбора

В эпоху всеобщей глобализации проблема сохранения национальной идентичности выходит на первый план. В качестве единственно возможного варианта развития экономики Запад предлагает миру свою модель, включающую массовую культуру в качестве эталона, которому необходимо следовать. Происходит наполнение мирового информационного пространства западными

ценностями, сопровождаемое разрушением традиционных устоев и национальной самоидентификации людей (Герасимова, Ивахнов, 2017). В условиях глобализации абсолютизация либерально-демократических ценностей и нацеленность Запада главным образом на модернизацию приводит к утрате самостоятельности национальными государствами, которые зачастую сознательно делегируют свои полномочия экономическим или военным союзам.

Дискуссии по поводу концепций идентичности разворачиваются и в мусульманском мире, особенно относительно совместности религиозных и демократических ценностей. Извечный спор сопровождается обвинением исламских обществ в «авторитаризме, попрании прав человека и отсутствии свобод»². Разногласия внутри исламского мира носят глубокий и порой бескомпромиссный характер: джихадисты борются против шиитов и умеренных суннитов, шииты противостоят суннитам, наблюдается разобщение и между мусульманами разных национальностей. Разногласия сопровождаются высоким уровнем насилия, который напрямую связан с идентификационным выбором (Наумкин, 2014). Размежевание происходит не только по религиозной, но и по этнической линии в зависимости от политики национальных государств. Иными словами, в мусульманских странах сохраняются межконфессиональные и межэтнические проблемы, связанные с идентификационным выбором и государственным строительством.

Ускоренная модернизация мусульманских стран, которая происходит в столкновении с традиционной культурой, опирающейся на фактор идентичности, приводит к появлению более жестких форм сопротивления, в том числе в виде терроризма, носящего глобальный характер (Малыгина, 2021). Ранее В.А. Кутырёв обращал внимание на столкновение различных культур и актуализацию идей (исламского) фундаментализма, что

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Наумкин В.В. Нация-государство, цивилизация и кризис идентичности // Площадь Лихачева. 20.05.2014. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2014_Sbornik/2014_Dokladi/2014_plen/2014_plen_030.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

способствовало появлению международного терроризма (Кутырёв, 2009). В подтверждение данного подхода А.Я. Флиер, в частности, отмечал, что «покушение на сакральные чувства причастности человека к культурной или религиозной традиции со стороны модернизированного западного общества лежит в основе большого числа террористических акций» (Флиер, 2010).

Проникновение процессов глобализации в национальные культуры вызывает у народов разных стран сильное стремление защитить свои культурно-религиозные традиции. Поэтому, несмотря на существующие противоречия в исламском мире, подавляющее большинство мусульман объединяет неприятие иностранной культурной экспансии Запада в странах Востока. Культурная экспансия Запада, который, по мнению сторонников цивилизационной самобытности в мусульманских государствах находится в состоянии морального разложения, негативно воспринимается мусульманскими обществами, которые стараются придерживаться более адаптированных к местным условиям моделей развития.

Определённым рубежом между западной и исламской цивилизациями является отношение к той роли, которую играет религия в обществе и государстве. К тому же ислам в значительно большей степени политизирован, чем другие мировые религии. Ислам выступает против процесса постепенного растворения одного этноса в среде другого этноса, против утраты языка, культурных традиций и возникновения новой ассимилированной идентичности. При этом ощущается влияние на религиозные институты политики национальных государств, противопоставляющих либеральной демократии, насаждаемой Западом, свои «идеалы, основанные на аутентичных религиозных ценностях» (Наумкин, 2020).

В условиях глобализации мусульманские страны опасаются быстрых изменений в результате глобализационных процессов, что может угрожать традиционной идентичности их обществ. Элиты этих государств полагают, что привнесённая западная культура может

затмить местные ценности, в частности, привести к утрате языков коренных народов под давлением английского языка, к насаждению потребительства и индивидуализма в противовес традиционным ценностям, ориентированным на общину. Рассматривая глобализацию как процесс усиления интеграции в политической, экономической и культурной сферах жизни общества, мусульманские страны в то же время опасаются углубления негативных тенденций в экономике, появления серьёзных социальных трудностей, роста протестных настроений в связи с угрозами утраты национального суверенитета и самобытности. Вместе с тем можно утверждать, что высокого уровня развития достигли те страны, которые не отказались от своей национальной идентичности. К ним следует отнести Китай, Индию, Республику Корея и некоторые мусульманские страны. Опираясь на позитивный зарубежный опыт, эти государства смогли сохранить собственные традиции и культурные ценности. Причем данный процесс протекает на фоне ослабления главенствующей роли США и всего Запада в мире (Мосяков и др., 2024).

Таким образом, продолжающаяся глобализация, охватившая многие сферы общественной жизни, носит амбивалентный характер. С одной стороны, с углублением интеграционных процессов в мире транснациональная экономическая деятельность, бесперебойная связь и международные организации открывают перед развивающимися странами определённые возможности для развития. Однако с другой — глобализация вступает в противоречие с национальной идентичностью и национальными ценностями (Жукова, 2006). Поэтому мусульманским государствам важно найти разумный компромисс между участием в глобальной интеграции и сохранением культурно-религиозных традиций.

Попытка вестернизации Афганистана под вывеской модернизации

Война в Афганистане (2001–2021 гг.) рассматривалась США как часть процесса

глобализации, который, как позже выяснилось, был обречен на провал. После интервенции коалиционных сил в 2001 г. Афганистан заметно потерял в статусе независимого государства, осознанно делегируя многие функции западным донорам на фоне нацеленности США и их союзников на навязывание отсталой разрушенной стране либерально-демократических ценностей под видом модернизации.

Глобализация как модернизационный проект сочетается с понятием вестернизации, которая обычно охватывает разные аспекты процесса превращения западных ценностей в общечеловеческие ценности современной цивилизации. Это — рыночная экономика, правовое государство, парламентаризм, политический плюрализм, популяризация англо-американской культуры, приобщение к западному образу жизни с его системой образования, женской эмансипацией, средствами массовой информации и стереотипами поведения.

Следуя этой логике, США приняли в 2003 г. программу действий в Афганистане под названием «Ускорение успеха», основанную на либерально-демократических идеях государственного строительства, чем в условиях иностранной интервенции могла воспользоваться лишь часть населения, причем только городского (Новикова, 2023). Под государственным строительством Запад понимал не только восстановление материальной инфраструктуры, но и решение проблем, связанных с налаживанием надлежющего управления, обеспечением безопасности и предоставлением гуманитарной помощи многочисленным афганским семьям, находящимся в бедственном положении. Кроме того, Запад не забывал и о «борьбе за сердца и умы» афганцев, чтобы добиться поддержки со стороны широких слоев сельского населения.

Казалось бы, к 2006 г. страна приобрела необходимый набор демократических институтов, таких как президент, избираемый прямым голосованием, сформированное президентом правительство, избранный в ходе всеобщих выборов парламент, судебная власть. Однако консервативное население, которое придерживается религиозных традиций и

обычаев Средневековья, не восприняло афганскую демократию. В этой связи А.А. Князев справедливо пишет об «остром неприятии значительной частью афганского общества привнесенных извне преобразований» (Князев, 2021), тем более что достигнутые результаты оставляли желать лучшего, так как добиться прекращения огня и обеспечить достойный уровень безопасности не удалось. Восстановительные работы осуществлялись медленно, в том числе в силу нестабильной обстановки, и даже не во всех регионах Афганистана. Разногласия между военными, гражданскими структурами, неправительственными организациями (НПО), представляющими интересы западных стран, по поводу направлений деятельности в провинциях привели к дискредитации самой идеи государственного строительства в Афганистане по западному образцу (Мачитидзе, 2020). Ситуация осложнялась тем, что и внутри афганской политической элиты не было единства взглядов на будущее страны.

При этом модернизация и вестернизация были явлениями неслыханными не только для жителей афганской деревни, но и для части городского населения. Они имели относительное представление о некоторых чертах глобализации, например о секуляризме, индивидуализме и потребительстве, но опасались, что это может привести к ослаблению исламской идентичности, отказу от исламских ценностей и этики. Важным также являлось политическое восприятие модернизации афганским обществом. Ее отторжение происходило не по ценностно-смысловым основаниям, а по причине того, что в ней видели инструмент угнетения (Барановский, Наумкин, 2018).

Нельзя не признать, что процесс вестернизации, предполагающий заимствование элементов и образцов более развитых в технологическом отношении государств, имеет и определенные положительные тенденции. Так думали в 2012 г. участники Токийской международной конференции, заявившие о достижении консенсуса в вопросах установления в Афганистане демократии и политической стабильности, а также развития

гражданского общества. Кабул, в свою очередь, обещал приложить больше усилий для построения правового государства и противодействия коррупции, чего так и не смог выполнить³.

В то же время в достаточно широких слоях населения страны, которое было в большей степени на стороне талибов (запрещены в РФ), сохранялась настороженность относительно культурно-религиозных издержек, которые могут привести к утрате самобытности общества. Действительно, в 2014 г. убедительных и прозрачных президентских выборов в Афганистане не получилось. Оба кандидата вынуждены были подписать договор о разделе власти, в соответствии с которым Ашраф Гани стал президентом, а Абдулла Абдулла — главой правительства⁴. Президентские выборы в 2019 г. состоялись при минимальной явке избирателей и рекордных фальсификациях, а публикация результатов голосования состоялась только через три месяца. В афганских условиях построение правового государства по западным лекалам не состоялось. В этой связи можно утверждать, что немалая часть афганского общества с опаской относилась к элементам вестернизации, имея в виду сохранение своей социокультурной идентичности (Тетюшкина, 2010).

Многие страны с преобладанием мусульманского населения основывают свои законы на интерпретации принципов исламского права, но, несмотря на это, ни в одной из них нет одинаковых законов. Даже в Афганистане, хотя и талибы (запрещены в РФ), правившие страной с 1996 по 2001 г., и правительство Ашрафа Гани утверждали, что придерживаются исламского права, у них были разные правовые системы. Так, Конституция Афганистана 2004 г., которой следовали правительства Хамида Карзая и Ашрафа

Гани, включала преамбулу о том, что законы страны не должны противоречить исламу. Однако талибы (запрещены в РФ) критиковали основной закон страны за попытку примирить исламские принципы с либеральным мировым порядком и за то, что конституция была написана под диктовку Запада⁵.

Нельзя не заметить, что в исторической ретроспективе Афганистана ислам как серьезная духовная сила играл значительную роль в обществе. Формирование афганской идентичности проходило под сильным воздействием ислама, который оказал большое влияние на сохранение самобытности страны. Вера в эту религию заметна в одежде, режиме питания, регулярных молитвах и языке. Хотя существует немало афганцев, которые в силу неграмотности никогда не читали отрывки из Корана и полагаются на тех, кто запомнил священный текст наизусть.

Консервативные религиозные группы в Афганистане, как правило, выступали против строительства современного национального государства. В результате религиозно-консервативная тенденция становилась препятствием для модернизации Афганистана. Причиной политической нестабильности часто являлся низкий уровень развития страны. Отрицание светским афганским правительством религиозной власти и неприятие клерикалами секуляризации государства стали важными внутривнутриполитическими факторами потрясений при режимах Хамида Карзая и Ашрафа Гани. Хотя следует отметить, что центральное правительство пыталось, правда безуспешно, включить законы шариата в рамки национальной системы управления. Однако консервативное духовенство сохраняло неоспоримое влияние на широкие массы сельского и частично городского населения, обладая абсолютным правом голоса при толковании и применении законов.

Кроме того, Афганистан является наиболее характерным примером племенного общества при наличии, согласно афганской

³ В Токио состоялась конференция по Афганистану // Агентство Anadolu. 10.07.2012. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/в-токио-состоялась-конференция-по-афганистану/356537> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Федякина А. Премьер Афганистана готовился солировать инаугурацию президента // Российская газета. 29.09.2014. URL: <https://rg.ru/2014/09/29/inauguraciya-site.html> (дата обращения: 13.03.2024).

⁵ Ibrahim A. Explainer: The Taliban and Islamic Law in Afghanistan // Aljazeera. August 23, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/8/23/hold-the-taliban-and-sharia-law-in-afghanistan> (accessed: 13.03.2024).

конституции 2004 г., 14 этнических групп в стране, каждая из которых имеет сложную родоплеменную структуру⁶. Наиболее крупный афганский этнос — пуштуны — делится на четыре крупнейших союза племен, объединения, рода и кланы которых контролируют территории своего обитания, а их вожди олицетворяют собой верховную военно-политическую, юридическую и экономическую власть. Поэтому Кабул, как правило, был вынужден договариваться с ними, в том числе на основе материальной заинтересованности. В стремлении сохранить суверенитет и территориальную целостность центральное правительство имело обыкновение делегировать некоторые свои полномочия племенам. Подобное своеобразное разделение власти между племенами и государством приводило к тому, что законы имели весьма ограниченное влияние на афганское общество. Вместе с тем сочетание исламского права и местных традиционных обычаев позволило присущему Афганистану социальному порядку обрести легитимность (Сажин, 2006).

Можно утверждать, что религиозно-племенной фактор стал серьезным барьером на пути процесса вестернизации широких слоев населения. Это неудивительно, учитывая, что и 100 лет назад в афганском обществе были могущественны те силы, которые отрицали всякие новшества, выступали против технического прогресса и идеи создания в стране национальной промышленности. Даже афганские реформаторы, которые по-своему понимали борьбу с европейским империализмом, пытались «объединить афганский национализм и модернизм с концепцией панисламизма» (Коргун, 2004).

В Афганистане попыткам внести дух либерализма в образование всегда жестко противостояли влиятельные племенные лидеры, которые одновременно выступали против снятия ограничений, осложняющих положение женщин. Религиозные деятели также решительно выступали против попыток властей регулировать семейные отношения. При этом

шариат (исламское право) продолжал играть неослабевающую роль в афганском обществе. К тому же в период оккупации Афганистана иностранными войсками осторожные усилия центрального правительства по секуляризации неоднократно терпели неудачу.

Существует и иная точка зрения относительно участия Афганистана в процессах глобализации. В частности, Дж. Мендель считает, что глобальные потоки денег, оружия, товаров, людей и информации на протяжении длительного времени при минимальном вмешательстве государства с большой скоростью пересекали границы Афганистана в обоих направлениях. Более того, производство и экспорт наркотиков в Афганистане обеспечивали его тесную связь с международной экономикой, хотя и нетрадиционными способами (Mendel, 2010). Вместе с тем в определенных социально-политических условиях того или иного мусульманского государства элементы модернизации могут быть отделены от процесса вестернизации. Некоторые зарубежные исследователи, например У. Голдштейн, полагают, что развивающаяся страна может модернизироваться, избегая вестернизации, которая предполагает секуляризацию и демократизацию, сохраняя при этом авторитарное правление (Goldstein, 2010). В качестве аргумента в пользу жизнеспособности подобной идеи приводится Иран, которому, даже несмотря на серьезное санкционное давление, удалось достичь немалых успехов в области образования и здравоохранения, а также развить военную промышленность при сохранении своей культурно-религиозной самобытности.

Борьба талибов за обновление афганской идентичности

Для Афганистана проблема идентификационного выбора и сегодня остается актуальной. В этом плане дискурс об Афганистане как государстве с национально-цивилизационной идентичностью является попыткой идеологического обоснования его особого пути в противостоянии с Западом, стремления к формированию собственных, обусловленных его национально-цивилизационной спецификой ответов на вызовы глобализации.

В процессе перехода Афганистана от племенного общества к современному

⁶ Dominant Ethnic Groups in Afghanistan // Deccan Herald. August 18, 2021. URL: <https://www.deccanherald.com/world/dominant-ethnic-groups-in-afghanistan-1021070.html> (accessed: 18.03.2024).

государству историческая проблема того, как традиционные религии могут вписаться в современную политическую систему, до сих пор не решена. В новейшей истории Афганистана религиозные консерваторы, выступая за верховенство религиозной власти, использовали духовные привилегии для поддержания интересов племенных обществ, тормозили социальное развитие и блокировали процесс государственного строительства в обширных периферийных районах страны (Chang, Pengtao & Xiyaoyao, 2022). Замысловатая связь между ханафитской юриспруденцией и племенным кодексом Пуштунвали всегда была мощным источником консерватизма в Афганистане.

Несмотря на многонациональный характер Афганистана, самоощущение афганского государства по историческим причинам строится вокруг доминирующей пуштунской этнической идентичности, которая глубоко укоренилась в пуштунских регионах страны (Taj, 2022). Однако за 10–12 лет до своего прихода к власти в 2021 г. талибы (запрещены в РФ) приняли меры по расширению и превращению повстанческого движения в общеафганское с привлечением лиц непустунской национальности. При этом талибы (запрещены в РФ) учитывали тот факт, что представители других этнических групп Афганистана неоднократно в течение последних десятилетий претендовали на власть, что вызывало тревогу у руководства движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ). Этнический фактор, как правило, играл роль стимулятора внутри афганского конфликта, когда этнические группы ставили своей целью защиту интересов своих соплеменников.

Опасения относительно раскола страны по этническому признаку еще больше возросли в 2021 г., когда активизировалась антиталибская деятельность Фронта национального сопротивления во главе с А. Масудом и усилилось давление со стороны международного сообщества по поводу формирования инклюзивного правительства. Возникла необходимость каким-то образом нейтрализовать этническую идентичность значительной части населения, подавляющее большинство которого составляют таджики, узбеки и хазарейцы,

и вернуться к уже проверенной в 1990-е гг. идее ислама как государственной идентичности, несколько усовершенствовав ее. К тому же руководители «Талибана» (признано террористическим и запрещено в РФ) понимали, что если они не выполнят свое основное обещание восстановить эмират со всеми его атрибутами, то их движение потеряет значимость и актуальность. Предполагается, что ислам как всеобъемлющая национальная идентичность способен преобразовать этнические и племенные различия в обществе в общую афганскую исламизированную идентичность, чтобы избежать сепаратистских тенденций на этнической и противоречий на племенной основе.

Кроме того, необходимо было что-то противопоставить идеям ИГИЛ-Хорасан⁷, которые оказали идеологическое воздействие на некоторую часть талибов (запрещены в РФ). Кабул хочет продемонстрировать не только членам движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ), но и всему афганскому обществу, что именно новая талибская власть, будучи авангардом истинного исламского руководства в Афганистане, является сторонницей претворения в жизнь «чистого» ислама на афганской земле в отличие от группировки ИГИЛ⁸, которая мечтает о глобальном халифате. В отличие от Абу Бакра аль-Багдади, который в свое время объявил себя лидером всех суннитов в мире, Мохаммад Омар являлся верховным религиозным и политическим лидером именно Афганистана, правившим страной от имени Аллаха. Это же касается нынешнего верховного лидера (амира) страны Хайбатуллы Ахундзады. Такая политическая система подчеркивает соответствие правительственных решений шариату в интерпретации талибской власти. Современная борьба талибов (запрещены в РФ) против ИГИЛ-Хорасан (ИГИЛ признано

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

террористическим и запрещено в РФ) направлена не только на обеспечение безопасности в стране, но и на защиту афганской культурно-религиозной идентичности.

Признавая свою потребность в формировании чисто исламской системы с более надежной идеологической базой, власти осуществляют шаги для обновления идеологической надстройки афганского государства. Кабул в целях укрепления новой власти внедряет взаимосвязанные идеологические инициативы: создание обновленной исламской идеологии в качестве государственной, улучшение своеобразной религиозной репутации талибской власти и трансформирование афганского национализма в исламский национализм⁹.

В этом плане ведется работа по превращению мировоззренческих установок исламского движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) в постоянную идеологию под названием «талибанизм», что означает отход от традиционного деобандизма и переход к более приемлемой комбинации религиозно-пуританских убеждений, адаптированных к строгим предписаниям исламского права. Предполагается, что ислам должен требовать выполнения достойным образом всех аспектов повседневной жизни, и в этой связи афганское общество, будучи недостаточно исламским, нуждается в реисламизации на добровольной или принудительной основе. «Талибанизм» отвергает все формы республиканского правления и проводит четкое различие между исламскими законами и законами, созданными человеком, считая последние безнравственными¹⁰.

В соответствии с новой программой реисламизации миссия талибов (запрещены в РФ) заключается в том, чтобы возглавить возвращение к прошлому путем слияния афганского национализма с исламским национализмом. Программа предусматривает

навязывание афганскому обществу единой исламской идентичности. Предполагается также реформирование образовательной программы, в том числе введение единой национальной учебной программы с учетом процесса реисламизации. Во главе процесса управления и распространения идей «талибанизма» стоит группа ультраконсервативных священнослужителей, которыми руководят верховные лидеры, воспринимающие Коран и шариат, как и в 1990-е гг., в качестве конституции (Сикоев, 2002, с. 72). Именно они, действуя через набор программных документов, известных как «Дастур», принимают в узком кругу членов религиозного совета (шуры) наиболее важные решения в государстве, включая многие назначения.

В плане реализации идеи исламской идентичности талибское правительство подготовило ряд распоряжений, ущемляющих права человека, которые затрагивают среднее образование для девочек, трудоустройство женщин, стиль одежды, внешний вид, правила передвижения и проведения досуга, особенно женщин в Афганистане. Мужчинам приходится участвовать в реализации ограничительных мер в отношении женщин в вопросах соблюдения новых правил, касающихся одежды, внешнего вида и поведения в обществе. Закрыты все частные учебные заведения для мальчиков и девочек от начальных школ до учреждений среднего образования, в частности в провинциях Кандагар и Гильменд. Многие политические решения направлены в первую очередь против населения городов, которые, по мнению властей, находятся в состоянии морального упадка. Мировоззрение талибов (запрещены в РФ) основано на том, что в целом мусульманское общество деградирует изнутри и подвержено процессу внешнего разрушения, который следует остановить.

Многие мусульманские страны, включая и членов Организации исламского сотрудничества (ОИС), осудили политику Кабула, направленную на ущемление прав женщин, в том числе запрет на получение ими высшего образования¹¹. Глава Аль-Азхара Ахмед

⁹ Ahmad J. The Taliban's Religious Roadmap for Afghanistan // The Middle East Institute. January 26, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/talibans-religious-roadmap-afghanistan> (accessed: 26.03.2024).

¹⁰ Country Guidance Afghanistan 2023: Recent Developments // European Union Agency for Asylum. January 2023. URL: <https://euaa.europa.eu/country-guidance-afghanistan-2023/recent-developments> (accessed: 18.03.2024).

¹¹ Rana M.A. Taliban Version of Islam // DAWN. January 15, 2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1731686> (accessed: 19.03.2024).

эль-Тайеб также осудил гендерную политику талибов (запрещены в РФ), в действиях которых усматривается влияние экстремальной племенной культуры. По мнению египетского ученого-богослова, суннитская традиция не рассматривает исламское право как закостенелый механизм, допускает его переосмысление и увязывает жизнеспособность шариата с его готовностью к интеллектуальному взаимодействию с суннитской традицией¹². Даже ассоциация «Братья-мусульмане»¹³ пыталась убедить талибов (запрещены в РФ) внести коррективы в свою гендерную политику, что, по их мнению, могло бы способствовать международному признанию талибского режима¹⁴.

Ретроспективный анализ афганских событий 25-летней давности свидетельствует о том, что в мировоззрении лидеров движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) произошли определенные изменения. В результате длительного общения и партнерства с иностранными джихадистами, в частности с представителями «Аль-Каиды»¹⁵ и других террористических организаций, талибы (запрещены в РФ) стали спокойнее воспринимать идеи салафизма (Long, 2022).

Традиционный афганский ислам объединял исламское право с суфийским учением и практикой, «поощряя мирную жизнь,

основанную на справедливости, сострадании и терпимости». На протяжении длительного времени местами для паломничества и поклонения являлись могилы известных суфиев, которые уже были святынями в доисламский период. Мулла Мохаммад Омар, основатель движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ), который занимался с учителем-суфием по имени Хаджи Баба, заняв пост верховного лидера Исламского Эмирата Афганистан, почти еженедельно посещал могилу своего наставника. Вопреки этой традиции современные талибские лидеры не поддерживают практику посещения святынь, считая ее немусульманской по происхождению, а молитвенное обращение к суфийским святым об исцелении и заступничестве называют греховными. В этой связи нельзя не вспомнить о том, что в 1990-е гг. одним из наиболее значимых разногласий между «Талибаном» (признано террористическим и запрещено в РФ) и «Аль-Каидой» (признана террористической и запрещена в РФ) был именно вопрос о суфийских святынях. Более того, в 1996 г. талибское правительство даже запрещало деятельность салафитов (чтение проповедей, строительство мечетей) в Афганистане¹⁶.

В результате постепенной трансформации за последние два десятилетия идеология талибов (запрещены в РФ) приобрела сходство с салафизмом, что проявляется в подчеркивании единобожия, неприятию нововведений, критике суфийских религиозных ритуалов, а также ведении джихада против врагов. Движение «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) ослабило узы традиционалистского ислама, а заодно и влияние племенных вождей. Можно даже сказать, что новые власти при сохранении своего консерватизма и жесткости перешли к форме модернистского исламизма с акцентом на регулирование внутренней нравственной жизни афганцев, укрепление их веры и верности

¹² Salim A. R. The Taliban vs. Global Islam: Politics, Power, and the Public in Afghanistan // Berkley Center. November 3, 2021. URL: <https://berkleycenter.georgetown.edu/responses/the-taliban-vs-global-islam-politics-power-and-the-public-in-afghanistan> (accessed: 19.03.2024).

¹³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹⁴ Entekhabifard C. Will the Taliban Turn Afghanistan into a Base for Muslim Brotherhood? // Asharq Al-Awsat. January 18, 2023. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/4105166/camelia-entekhabifard/will-taliban-turn-afghanistan-base-muslim-brotherhood> (accessed: 20.03.2024).

¹⁵ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹⁶ Семенов К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы // Российский совет по международным делам. 02.09.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovy-i-ugrozy/> (дата обращения: 22.03.2024).

режиму, что является отражением прагматических соображений государственного управления.

Заключение

Ислам сыграл ключевую роль в эволюции современного афганского общества, подавляющее большинство афганцев остаются глубоко консервативными в своем мусульманском образе жизни. Ислам является также важнейшим фактором легитимизации талибского режима, будучи главной объединяющей силой неоднородного афганского общества. В политическом плане ислам используется как для укрепления внутренней стабильности, так и для мобилизации общества против внешних угроз. В случае навязывания чуждых ценностей традиционным устоям ислам в его нынешней талибской интерпретации может выступать в качестве защитной реакции афганского народа.

Вместе с тем нельзя исключать, что исламская идентичность при определенных условиях может видоизменяться. Вполне возможно, что под влиянием внешних и внутренних обстоятельств в сфере семейных, межэтнических и межконфессиональных отношений может начаться процесс обновления поведенческих моделей в сознании верующих афганцев. Именно этого и опасаются талибы (запрещены в РФ), поэтому они твердо настаивают на тех ограничениях, которые вводятся в социальную жизнь афганцев.

Более того, несмотря на давление Запада, лидеры движения «Талибан» (признано террористическим и запрещено в РФ) стараются изолировать афганский народ от процессов глобализации, используя для этого ранний ислам в качестве эталона декларируемого образа жизни, продвигая собственную религиозно-культурную идентичность и демонстрируя готовность защищать исламские ценности от западной цивилизации любыми способами.

Поступила в редакцию / Received: 05.05.2024
Доработал после рецензирования / Revised: 31.09.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 3. С. 5–19. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19>; EDN: YTHIDG
- Герасимова И. А., Ивахнов В. Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // *Сервис Plus*. 2017. Т. 11, № 2. С. 66–76. <https://doi.org/10.22412/1993-7768-11-2-9>; EDN: YRCEOX
- Жукова Н. Г. Глобализация и сохранение национальной идентичности // *Философия и общество*. 2006. № 2 (43). С. 146–153. EDN: QOYRXF
- Князев А. А. К истории афганского движения «Талибан» (середина — вторая половина 1990-х гг.) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2021. Т. 21, № 4. С. 13–21. EDN: QGEZGR
- Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. Москва : ИВ РАН, 2004. EDN: QOVWLZ
- Кутырёв В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // *Век глобализации*. 2009. № 2. С. 92–102. EDN: MTXRHL
- Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 13. С. 348–361. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_348; EDN: LOQOWW
- Мачитидзе Г. Г. Стратегия в Афганистане: артефакт президента Д. Трампа // *Россия и современный мир*. 2020. № 1. С. 119–138. <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.01.07>; EDN: PLZRUI
- Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191>; EDN: VKTZMO
- Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 78–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06>; EDN: TPQYUS
- Наумкин В. В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2014. № 4. С. 5–20. EDN: SJSWMF

- Новикова О. Н. Афганистан: от «демократического авторитаризма» к авторитаризму per se // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 223–243. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.01.10>; EDN: OOXJTZ
- Сажин В. И. Особенности афганской демократии // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен / отв. ред. М.Р. Арунова. Москва : Институт востоковедения РАН, 2006. С. 50–57. EDN: QRCCQX
- Сикоев Р. Р. Талибы (религиозно-политический портрет). Москва : ИВ РАН, 2002
- Тетюшкина С. А. Вестернизация как социокультурное явление // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 350–356. EDN: LAFVFN
- Флиер А. Я. Будущее возврату не подлежит (о перспективах развития традиционной культуры) // Культурологический журнал. 2010. № 1. С. 1–8. EDN: OWPNYB
- Chang L., Pengtao G., Xiyao Z. Power Hedging and Faith Fetters: The Factors of Tribe and Religion in Afghanistan's State Building // *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4. P. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpos.2022.976833>
- Goldstein W. S. Secularization and the Iranian Revolution // *Centre for Sociological Studies*. 2010. No. 3. P. 50–67.
- Long D. Ideological Transition of the Afghan Taliban // *Contemporary International Relations*. 2022. Vol. 32, no. 2. P. 39–61.
- Mendel J. Afghanistan, Networks and Connectivity // *Geopolitics*. 2010. Vol. 15, no. 4. P. 726–751. <https://doi.org/10.1080/14650041003718333>
- Taj F. Clash of Identities: Ontological (In)Securities of Afghanistan and Pakistan, and the Repercussions // *Policy Perspectives*. 2022. Vol. 19, iss. 2. P. 1–20. <https://doi.org/10.13169/polipers.19.2.ra1>

Сведения об авторе:

Мачитидзе Георгий Григорьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 5094-7995; ORCID: 0000-0003-2402-1909; e-mail: mggkabal@gmail.com